

Игнатий Потапенко

Студент в рясе

Записки старого студента

Игнатий Потапенко

Студент в рясе

«Public Domain»

1899

Потапенко И. Н.

Студент в рясе / И. Н. Потапенко — «Public Domain»,
1899 — (Записки старого студента)

«— А видите, я подал прошение о приёме меня в студенты... Оно, конечно, дело непривычное, потому что я в рясе... Ну, так это ничего... Позвольте представиться: дьякон из села Богодуховского, фамилия моя Эвменидов...».

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Игнатий Николаевич Потапенко

Студент в рясе

I

Последние два курса мне пришлось прослушать в провинциальном университете.

Я рано освободился от урока, который держал меня всё лето в деревне, и приехал около 10 августа. Из товарищей ещё никого не было. Съезжались обыкновенно после 20. Было человек десять, отложивших экзамены на осень, но они очень редко попадались на глаза, потому что сидели в своих конурах и зубрили.

Доступных мне развлечений в городе не было никаких. Загородных садов тогда ещё не существовало в таком несметном количестве, как теперь, да они меня мало интересовали. Моим постоянным развлечением был театр, который ещё не открывал своих дверей для публики. В городе стояли жаркие дни, на улицах было пыльно. Совсем некуда было деваться. Поэтому волей-неволей приходилось постоянно торчать в университете, бесцельно блуждая по коридорам, с тайной надеждой, что из какого-нибудь угла выглянет знакомое лицо новоприбывшего товарища.

Но появлялись, понятно, всё только новые лица, большею частью очень юные, смотревшие робко и ступавшие нерешительно. Это были новички, явившиеся подавать прошения о зачислении в студенты.

Много было семинаристов, которым приходилось держать поверочный экзамен. Их легко было узнать по неуклюжей наружности, неловкости, неумению ступить. Они отличались также и по костюму. Большею частью они являлись в длинных чёрных сюртуках, которые остались у них ещё от семинарского кошта. Я не умел начинать знакомства. Они удавались мне только тогда, когда начинали их другие. Поэтому ни с кем из новичков я не познакомился. Но так как мне решительно нечего было делать, то я раза два забрёл в аудиторию, где производился приёмный экзамен, и от скуки слушал и смотрел. Здесь тоже я не нашёл ничего занимательного, и, по всей вероятности, в третий раз не заглянул бы, если бы не случилось одно обстоятельство, которое сильно заинтересовало меня.

Я был один в огромном вестибюле в то время, когда наверху производился экзамен новичкам. Не было ни швейцара, ни служителей. Я бродил из угла в угол, изредка посматривая на входную дверь, не войдёт ли кто-нибудь знакомый. И вот дверь отворилась, и появилась фигура, показавшаяся мне странной для этой обстановки. Это было духовное лицо, какого сана, – я не мог определить. На нём была длинная ряса, с широкими рукавами, тёмно-серого цвета. На голове чёрная поярковая шляпа, порядочно затасканная. Из-под шляпы свисали на плечи длинные прямые волосы. Длинная русая борода как-то вся скомкалась на сторону. Лицо сильно обросло, и я не мог определить, молод этот человек или стар. По-видимому, он только что был в дороге, потому что ряса его, и волосы, и шляпа, – всё было покрыто пылью.

Он вошёл и как бы с некоторым недоумением стал оглядываться во все стороны, словно искал живого лица.

Я был на другом, порядочно отдалённом, конце вестибюля. В первую минуту я остановился, посмотрел на него издали, но, заметив его растерянность, я решил пойти на выручку и сделал по направлению к нему несколько шагов.

Я подумал, что это, должно быть, родственник какого-нибудь новопоступающего студента-семинариста или, может быть, лицо, просто попавшее сюда по ошибке. С виду он походил на деревенского пастыря. Я приблизился к нему.

– Вам кого-нибудь нужно, батюшка? – спросил я.

Он, очевидно, раньше меня не видел. Когда я заговорил, лицо его прояснилось; он снял шляпу.

– Нет, – густым баском ответил он, – мне того... Мне никого не нужно, а мне бы надо узнать... Мне бы надо узнать, где тут экзамен производится...

– Экзамен? – спросил я с некоторым недоумением. – А вам зачем экзамен?

– Да мне надо бы тоже, того... Мне экзамен держать надо...

Тут уж я, по всей вероятности, весь превратился в изумление.

– Какой экзамен? – спросил я. – Разве вы... ведь это университет.

– Я знаю, – ответил батюшка, – я знаю, что университет... Вот именно университет мне и надо...

– Позвольте... Я не совсем понимаю. Вероятно, ваш родственник здесь какой-нибудь держит экзамен, и вы хотите его видеть?..

– Ах, нет же, – уже нетерпеливо произнёс батюшка, – это я сам должен держать экзамен.

– Но зачем?

– А видите, я подал прошение о приёме меня в студенты... Оно, конечно, дело непривычное, потому что я в рясе... Ну, так это ничего... Позвольте представиться: дьякон из села Богодуховского, фамилия моя Эвменидов... А вы студент?

– Да. Но я не знал, что духовные лица могут поступать в студенты.

– Да отчего же нет? Разве мы хуже других? Так, извините, где же тут экзамен держат? Я, знаете, опоздал маленько. Не рассчитал. Езды-то всех шестьдесят вёрст, на лошадях, знаете. Выехал чуть свет, а в дороге ось сломалась, пришлось починяться... Ну, вот и запоздал...

Я повёл его через длинные коридоры, потом по лестнице вверх. Но, показывая аудиторию, где производился экзамен, я делал это с глубоким недоверием; мне всё казалось, что тут есть какая-то мистификация. Но батюшка мой шёл очень твёрдо и уверенно и всё время по дороге выражал беспокойство, что экзамен уже кончен и ему не удастся выдержать его.

– А вы на какой факультет поступаете? – спросил я.

– Я, знаете, на математический...

Моё удивление после этого ответа возросло ещё больше.

– Вы, значит, кончили семинарию?

– Нет, семинарию-то я не кончил. Я кончил философский класс – так, знаете, это в прежние времена называлось – и перешёл в богословие; но тут, знаете, произошла одна неприятная история... Так, знаете, с отцом-инспектором не поладили, ну, и пришлось выйти. А тут дьяконское место подвернулось; я, знаете, женился и стал служить в приходе... А к математике я всегда склонность питал. А вот несколько лет назад распоряжение такое вышло, чтобы семинаристов, кончивших общеобразовательный курс, в университет с поверочным экзаменом принимать. Я и подумал: отчего ж бы мне не поступить? Общеобразовательный-то курс я окончил. Что ж такое, думаю, что на мне ряса, – это ничего. И обратился я по начальству, то есть, по духовному своему начальству. Спрашиваю: можно ли, дескать, мне в университет постучаться? Архирей к себе потребовал. Сперва, это, даже косо посмотрел на меня; думал, должно быть, Бог знает что такое; начал расспрашивать, что да как, да почему, да откуда такое желание и прочее. Я, известно, всё рассказал ему: вот, говорю, к математике всегда питал склонность, а теперь разрешение вышло, так вот я и вздумал. "А для какой цели?" – спрашивает преосвященный. – "А для той, говорю, цели, ваше преосвященство, чтобы, во-первых, знать, а во-вторых, в духовно-учебных заведениях математику буду преподавать. У нас ведь своих преподавателей математики нет, наши академики по этой части никуда не годятся. Задачи на уравнение с тремя неизвестными решить не могут, а уж бином Ньютона им кажется таким же чудовищем, как сам Вельзевул... Так вот оно и приятнее, когда свой человек, духовный, будет в духовном заведении математику преподавать. А то ведь всегда приходится приглашать из гимназий да из других светских школ..." Подумал преосвященный, подумал и сказал: "что ж, говорит, это

справедливо, это в самом деле приятно. Ну, говорит, иди с миром и поступай в университет, а только как же, говорит, ты с приходом будешь?" Я говорю, что приход, известно, придётся оставить. – "А семья? семья-то у тебя большая?" – "Жена, – говорю, – да трое детей". – "Что ж ты с ними делать будешь?" – "А жену с детьми, – говорю, – ваше преосвященство, к тестю пошлю, пускай тесть кормит их". – "А сам как проживёшь?" – "А сам как-нибудь пропитаюсь. У меня на подворье монах знакомый есть, вот я около этого монаха, ваше преосвященство, и буду кормиться. Ведь недолго, всего только четыре года". Ну, одним словом, архиерей благословил меня. Тогда я взял да и подал прошение, да и бумаги свои послал. Тут тоже сомнение было. Долго они мои бумаги рассматривали, потом с духовным начальством снеслись, да видят, что всё в порядке, философский класс кончил, значит, под правило подходит, – как тут отказать? – и не отказали, и даже особенную любезность сделали, – ответ прислали, что, мол, допущен к поверочному экзамену по русскому, латинскому и греческому языкам и по математике. Ну, вот я и приехал.

В это время мы подошли к аудитории, где производился экзамен по математике. Я указал ему на дверь. И он вошёл. Я, конечно, полный любопытства, последовал за ним.

Появление духовной особы в университетской аудитории произвело сенсацию. На скамьях было всего душ двадцать молодых людей. Один стоял у доски и усердно доказывал какую-то теорему, профессор сидел за столиком и слушал его очень невнимательно, по-видимому, совсем не придавая значения ни тому, что он говорил, ни самому экзамену. Экзамен вообще производился формально, наименьшей отметкой была тройка. Почти все, поступавшие в университет из семинаристов, избрали филологический или юридический факультеты, очень редко занимались естественными науками и почти никогда не дерзали избрать математический. Поэтому с ними были строги на экзаменах из латыни и греческого и смотрели сквозь пальцы на их слабые познания в математике. Им задавались совсем детские задачи, но случалось, что и перед ними они становились в тупик. Тогда профессор просто говорил: "ну, хорошо, довольно", и ставил тройку.

При нашем появлении в аудитории все обернулись к двери и долгим взглядом посмотрели на моего спутника. Профессор поднял голову, а стоявший у доски положил мел и оборвал свой ответ.

– Сядемте здесь, – тихонько сказал я батюшке и указал ему на место на скамье.

Батюшка сел, а я рядом с ним. Это сразу разочаровало всех. По-видимому, ожидали, что батюшка к кому-нибудь обратится с вопросом, выскажет какое-нибудь желание чем-нибудь проявить себя, так как странно было предполагать, что он явился в аудиторию ни за чем. Общее разочарование разделял, очевидно, и профессор. Он подождал минуты три, затем спровадил стоявшего у доски, поставив ему по этому случаю четвёрку, и, подойдя к нашей скамье, промолвил:

– Вам, батюшка, кого-нибудь надо?

Отец Эвменидов поднялся, почтительно приосанился и пригладил свои волосы.

– Я на экзамен пришёл, господин профессор! – ответил он.

– Ну, да, здесь идёт экзамен, – ответил профессор, – но вам кого-нибудь надо или вы просто хотите послушать?

– Нет, господин профессор, я сам для экзамена пришёл.

– Вы? Вы хотите держать экзамен? – уже с некоторым недоверием спросил профессор.

– Желаю, господин профессор, – ответил отец Эвменидов.

– Значит, вы поступаете в студенты?

– Точно. Подал прошение. Получил даже ответ, чтобы явиться на экзамен: вот я и явился.

– Да, вот что!.. – промолвил хотя и не вполне ещё доверчиво, но уже с некоторым примирением профессор. – Значит, вы поступаете в университет?.. Это, кажется, первый случай, что духовные лица делаются студентами.

– Этого не могу знать. Действительно, были затруднения... Я к преосвященному просьбу подавал... И мне разрешено.

– А на какой факультет?

– Желаю по математической части.

Профессор усмехнулся.

– Прекрасно, – сказал он. – Вы хотите держать экзамен. Ну-с, не угодно ли вам пожаловать к доске?

И он несколько отошёл от скамьи, как бы желая пропустить мимо себя отца Эвменидова.

Отец Эвменидов вышел из-за скамьи и направился к тому месту, где стояла доска. Профессор, глядя ему в спину, с лёгкой усмешкой смотрел на аудиторию, как бы заранее предвещая, что там, около доски, сейчас произойдёт что-то смешное. Никак не ожидал он, что этот человек с загорелым лицом, с длинными волосами, в длинной одежде с широкими рукавами, с таким простым деревенским видом, может обнаружить какие-нибудь познания в математике. Наверно, он подумал, что это – чужак, что на него напала блажь, что он не имеет ровно никакого представления о предстоящей ему задаче. Он пошёл вслед за Эвменидовым и занял своё место за столиком.

– Ну-с, извольте, батюшка, решить мне следующую задачу...

И он задал отцу Эвменидову какую-то детски простую задачу на уравнения.

Эвменидов записал на доске всё, что ему продиктовали, затем оглянулся и посмотрел на профессора.

– Это весьма легко, господин профессор! – сказал он. – Это я могу в уме решить...

– Ну, решите! – промолвил профессор.

– А вот сейчас.

Эвменидов с минуту подумал и даже пошептал губами, потом, как бы для памяти, написал на доске какую-то коротенькую формулу и затем объявил решение.

– Правильно! – сказал профессор. – Я вижу, батюшка, вы кое-что смыслите. А ну-ка, решите вот это! Уж это будет потруднее...

И он продиктовал нечто в самом деле чрезвычайно сложное, так что у остальных, сидевших на скамьях, тотчас же явилось глубокое сомнение в способности Эвменидова решить задачу. По крайней мере, далеко не все из них могли бы с уверенностью сказать это о себе.

Эвменидов записал.

– Ну, что ж, – сказал профессор, – берётесь?

– А почему ж нет? – просто отозвался батюшка. – Я решу.

И он начал усердно писать на доске алгебраические выкладки. Профессор чрезвычайно внимательно следил за его работой, а потом, сильно заинтересовавшись, встал и подошёл к нему.

– Верно, верно, – говорил он, видимо, стараясь поощрить его, – совершенно верно. Однако, признаюсь, я никак не ожидал, что вы, батюшка, такой математик.

– Я люблю математику, – сказал Эвменидов, не переставая в то же время делать свои вычисления.

– Да любить мало, надо ещё знать! – заметил профессор. – Вот и эти молодые люди, – прибавил он с иронической усмешкой, указывая на аудиторию, которая в общем дала ему не особенно высокое понятие о своих познаниях в математике, – эти молодые люди тоже наверно любят математику, но плохо знают...

Аудитория дружно засмеялась, а отец Эвменидов в это время кончил свою задачу и очень спокойно положил мел на место.

– Ну, батюшка, великолепно! Прошу вас извинить меня за сомнение! Признаюсь, это первый случай. Я думал, знаете, что духовные особы умеют только обедню служить, – вот

и ошибся. С удовольствием приветствую такого студента на математическом факультете, с искренним удовольствием! Вы и геометрию знаете?

– Как же не знать? Знаю. Я и по тригонометрии хорошо учился.

– Это удивительно. Где же это вы всему этому научились?..

– Да видите, господин профессор, это у нас в семинарии проходится. Оно, конечно, там на математику смотрят не строго, а даже очень мягко... Ну, а кто любит, – тот сам от себя пополняет... Вот я и пополнял...

– А вы давно из семинарии?

– Да уже лет, я полагаю, восемь будет.

– И до сих пор не забыли?

– Да я понемногу занимался... Так, знаете, между делом, между двумя трудами, иной раз и решишь задачку... У меня есть влечение... Хожу это себе иной раз по огороду или по палисаднику, а в голове у тебя какая-нибудь теорема сидит. Иной раз даже так случалось, что во время самой службы церковной, среди эктении, поймал себя на какой-нибудь задаче... Так, знаете, цифра сама в голову и лезет, и никак от неё не отобьёшься...

– У вас, значит, талант к математике...

– Не знаю, может, и талант...

– А вы извините меня, батюшка, я не то чтобы не верил вам, а так, очень уж мне любопытно посмотреть, как вы одну задачку решите. Попробуйте-ка вот это.

И профессор начал диктовать ему что-то такое, что показалось всей аудитории очень странным и новым. Отец Эвменидов записывал, но от времени до времени сомнительно поглядывал на профессора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.